

міръ? Основа релігійності єсть пієтизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій... Приглядитесь попристальнѣе, и вы убѣдитесь, что это по натурѣ глубоко атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ слѣда релігійности. Суевѣріе проходить съ успѣхами цивилизаціи, но релігійность часто уживается и съ ними; живой примѣръ—Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными, и гдѣ многіе, отложившись отъ христіанства, все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русскій народъ не таковъ: мистическая экзальтація не въ его натурѣ, у него слишкомъ много для этого здравого смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, огромномъ историческихъ судьбъ его въ будущемъ. Релігійность не привилась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльныхъ исключительныхъ личностей, отличавшихся тихою, холодною, аскетическою созерцательностью, ничего не доказываютъ. Большинство же нашего духовенства отличалось... схоластическимъ педантизмомъ да дикимъ невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинить въ релігійной нетерпимости и фанатизмѣ; но скорѣй можно похвалить за образцовый индифферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Релігійность проявилась у насъ только въ раскольниковыхъ сектахъ, столь противоположныхъ по духу своему массѣ народа и столь ничтожныхъ предъ нею числительно.

„Не буду распространяться о вашемъ дифирамбѣ любовной связи русскаго народа къ его владыкамъ. Скажу прямо: этотъ дифирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и уронилъ васъ въ глазахъ даже людей, въ другихъ отношеніяхъ очень близкихъ къ вамъ по направленію. Что касается до меня лично, то предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да, говорятъ, и выгодно для васъ), только продолжайте благоразумно созерцать его изъ вашего прекраснаго далека: вблизи-то оно не такъ прекрасно и не такъ безопасно...

„Замѣчу одно: когда европейцомъ, особенно католикомъ, овладѣетъ релігійный духъ, онъ дѣлается обличителемъ неправой власти, подобно еврейскимъ пророкамъ, обличавшимъ беззаконія сильныхъ земли. У насъ же наоборотъ: постигаетъ человѣка (даже порядочнаго) болѣзнь, извѣстная у врачей психіатровъ подъ именемъ *religiosa mania*, онъ тотчасъ же земному богу подкурить болѣе, нежели небесному, да еще и такъ хватить черезъ край, что тотъ и хотѣлъ бы его наградить за рабское усердіе, да видитъ, что этимъ окомпрометировалъ бы себя въ глазахъ общества... Бестія нашъ братъ русскій человѣкъ!..

„Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да проститъ вамъ вашъ Византійскій богъ за эту Византійскую мысль, если только, передавши ее бумагѣ, вы не знали, что говорили. Но, можетъ быть, вы скажете: „положимъ, что я заблуждался, и всѣ мои мысли ложь; но почему отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?“ Потому, отвѣчаю я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне истощено Бурачкомъ съ братією. Конечно, въ вашей книгѣ болѣе ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ, но зато они развили об-

щее имъ съ вами ученіе съ большой энергіей и большой послѣдовательностью, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ; все отдали Византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ, тогда какъ вы, желая поставить по свѣтѣ тому и другому, впали въ противорѣчіе, отстаивая, напримѣръ, Пушкина, литературу и театръ, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но много могутъ служить къ ея гибели... Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ? Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что кажется естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ гениальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились, было, на мысли, что ваша книга есть плодъ умственного расстройства, близкаго къ положительному сумасшествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія: ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а можетъ быть, годъ, два или три; въ ней есть связь, сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ придерживающимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ разпространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну Наслѣдника. Еще прежде въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ въ Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете недовольствіе своими прежними произведеніями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочиненіями, когда тотъ, докторъ и т. д. Теперь судите сами, можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ писателя, и еще болѣе какъ человѣка?..

Вы, сколько я вижу, не совѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипитъ и рвется наружу свѣжія сила, но сдавленная тяжелымъ гнетомъ, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почетно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмили мишуру эпюлетъ и разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое, такъ-называемое, либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта, и почему такъ скоро падаетъ популярностъ великихъ талантовъ, отдающихъ себя, искренно или неискренно, въ услуженіе православію, самодержавію и народности. Разительный примѣръ Пушкина, которому стоило только написать два, три вѣрноподданныхическихъ стихотворенія и надѣть камеръ-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви. И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ *Ревизорѣ* и *Мертвыхъ Душахъ* вы менѣе рѣзки, съ менѣе истиною и талантомъ и менѣе горькія правды высказали